

РЭИ ХАРТ

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
для
ПЫШКИ

18+

Рэй Харт

Телохранитель для пышки

<https://litres.ru/73912008>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Телохранитель для пышки» — роман о первой любви, которая не умирает даже под слоем лжи. О мужчине, который пришёл мстить, а остался защищать. О женщине, которая разучилась верить, но всё ещё способна чувствовать. Жестко, чувственно, безжалостно. Для тех, кто любит, когда герои не идеальны, а эмоции — на разрыв.

Рэй Харт

Телохранитель для пышки

Глава 1. Ком за левым ребром

Я паркую свой Mercedes G-Class у входа в башню Москва-Сити так, чтобы охранники видели, они знают, кто я, и мне не нужно разрешения.

Женщины с авто и весом двести двадцать лошадей под капотом не переставляют машины дважды.

Зеркальный лифт почти бесшумно несёт меня на сорок пятый этаж. Стекло отражает женщину, которую муж называет Варвара — с большой буквы, с холодком в голосе, с тем самым отстранённым уважением, которое хуже пощёчины. Платье сидит на мне как влитое: тёмно-синий шёлк, завышенная талия, вырез, который подчёркивает декольте, но не выставляет его напоказ. Волосы уложены в низкий пучок — непослушные льняные пряди всё равно выбиваются, делая меня похожей на учительницу, которая сбежала с гастролей любимой рок-группы.

Лицо. Да, меня называют красивой. Глаза — цвет воды в Баренцевом море, когда солнце пробивает тучи. Губы — без филлеров, спасибо, я люблю чувствовать, когда они улыбаются. И фигура. Михаил раньше говорил: «В тебе есть на что посмотреть, Варвара». Сейчас он говорит: «Варвара, этот

цвет тебе идёт». Разница в формулировках, как пропасть по глубине Марианской впадины.

Мне недавно стукнуло двадцать девять. Муж старше меня на десять лет. Этого вполне достаточно, чтобы помнить меня девчонкой с двумя хвостиками на корпоративе его компании, достаточно, чтобы никогда не воспринимать всерьёз.

Лифт останавливается. Холл его офиса пахнет деньгами и кожей дизайнерских кресел. Никаких цветов. Михаил Глебович Ветров не терпит ничего, что отвлекает от дела. Секретарша — Марина, куколка с лицом эльфа и ногами от ушей — поднимает голову на звук моих шагов.

— Добрый день, Варвара Сергеевна. Михаил Глебович вас ждёт.

Она всегда говорит «ждёт», а не «просил передать». Потому что ждать для него — это выделить минуту из графика, а не желание увидеть.

Киваю, не замедляя шага. Каблуки Manolo Blahnik — восемь сантиметров, узкий нос, никакой платформы — весело выбивают ритм: «я-здесь-хозяйка, я-здесь-хозяйка.»

Дверь в кабинет приоткрыта.

Я не планировала подслушивать. Правда. Это случилось так же естественно, как задержать дыхание перед прыжком в воду.

— ...Адель, ты невыносима, — его голос. Тот самый, низкий, с хрипотцой, которую я слышала только по ночам. Теперь она предназначена кому-то другому.

Я замираю. Ручка двери холодная под пальцами. Я отдёргиваю руку. Слушаю.

— Нет, сегодня не получится. Вечером... — пауза. Слышу, как он выдыхает. Смеётся. Он смеётся. Михаил Глебович Ветров, человек, который улыбается раз в квартал, сейчас смеётся в телефонную трубку. — Вечером тоже нет. Завтра? Адель, прекрати капризничать.

Тон не официальный. Тон — «я разрешаю тебе быть дерзкой, потому что ты меня заводишь».

Желудок сжимается у меня под левым ребром. Не сердце — не будем о романтизировать. Соляное сплетение. Нервный узел, который отвечает за страх и унижение. Он сжимается так, что становится трудно дышать ровно.

Я пытаюсь вспомнить. Когда он в последний раз трогал меня не как куклу на витрине? Две недели назад. Мы смотрели фильм в домашнем кинотеатре. Он положил ладонь мне на живот — мягкий, предательски мягкий живот, который не уходит, сколько я ни занимаюсь с этим чёртовым тренером. Погладил. Я почувствовала тепло сквозь кашемир. Подумала: «Сейчас».

Он убрал руку. Сказал: «У тебя сахар высокий, Варвара. Конфеты больше не ешь на ночь».

Не «дорогая». Не «Варечка» — он никогда не называл меня уменьшительным, но хотя бы «Варвара» звучало прежде не как диагноз. А теперь он смотрит на мой живот как на проблему, которую нужно решить диетой и ненавистным

мне спортом.

Грудь. Она у меня третьего размера, пышная, и он раньше... ладно, не будем о прошлом. Сейчас он берёт её в ладони так, будто проверяет спелость фрукта на рынке. Оценивает.

— Ладно, до встречи, — говорит он в трубку. И уже мягче, почти воркующе: — Да, заеду.

Он кладёт телефон на стол. Я слышу, как пластик касается дерева. Толкаю дверь.

Не стучу.

Потому что Варвара Сергеевна Ветрова не стучится в кабинет собственного мужа.

Он поднимает голову. Очки в тонкой оправе — тёмная черепаха, стёкла с лёгким диоптрийным увеличением, делающим его светлые глаза чуть больше, чем они есть на самом деле. Глаза — цвета мокрой гальки. Холодные.

Высокий. Худощавый, но не хрупкий — под рубашкой угадываются мышцы, которые он поддерживает плаванием и правильным питанием. Светлые волосы зачёсаны назад, ни одного седого волоска, ему тридцать девять, но выглядит на тридцать пять и будет выглядеть так до пятидесяти. Потому что такие мужчины не стареют, они становятся дороже.

На мне его взгляд останавливается на секунду. Оценивает моё новое платье. Не восхищается.

— Варвара. Ты рано.

Раньше он говорил «ты вовремя». Теперь я везде прихожу рано или поздно и никогда в самый раз.

Он встаёт из-за стола. Обходит массивное чёрное дерево, приближается. До меня долетает запах его парфюма — Creed Aventus, дым, ананас, кожа. Я когда-то дарила ему этот флакон. На годовщину.

Его руки ложатся мне на плечи. Губы приближаются к моей щеке.

Чмок.

Воздух. Губы не касаются моей кожи. Просто движение — звук, который ничего не значит. Поцелуй в миллиметре от уха.

Я чувствую тепло его дыхания на мочке. И всё.

— Дорогой, — говорю я. Мой голос звучит ровно. Я научилась этой ровности за два года брака. Она давалась кровью из носа в первую половину супружеской жизни. Теперь — автоматическая реакция, как у собаки Павлова на звонок. — Как прошли переговоры?

Он отстраняется. Возвращается за стол. Садится, поправляет манжеты — платиновые запонки с гравировкой «MV», его инициалы, конечно же.

— Успешно. Подписали контракт с китайцами.

Я сама сажусь в кресло напротив. Кожа скрипит под тяжестью моего тела. Я специально выбираю кресло помягче — Михаил заказал их из Италии, и жёсткие, как церковная скамья, остались для посетителей, которых он хочет побыстрее выпроводить.

Моё кресло — в углу, у журнального столика. Я его пере-

двинула полгода назад, когда поняла, что смотреть на мужа сквозь столешницу из морёного дуба — это метафора всей моей жизни.

— У тебя ко мне дело? — спрашиваю я. Хотя он никогда не звал меня просто так.

Он снимает очки. Протирает стёкла специальной тряпочкой. Этот жест — нервный. Я знаю. Обычно он так делает, когда собирается сообщить мне что-то неприятное.

— Да, Варвара. — Он надевает очки обратно. Смотрит поверх стёкол — так учителя смотрят на двоечников, по крайней мере в моей школе так было. — Нашёл тебе замену.

Бровь, которую я поднимаю — результат многолетних тренировок перед зеркалом. Высокая, насмешливая, свободно летит вверх.

— Замену? В каком смысле?

— Телохранителя. — Он откидывается в кресле. Сцепляет пальцы домиком. — Твой старый...

— Григорий, — подсказываю я. Но я его никогда не считала телохранителем, просто запасной водителем.

— Да. Григорий ушёл на пенсию. Я вижу, что он не справляется со своей задачей. В итоге, я нашёл другого. Помоложе. Настоящего профессионала своего дела. Завтра он придет к нам в дом.

Я молчу три секунды. Смотрю на его пальцы мужа — длинные, тонкие, без колец. Он никогда не смотрит на мои руки.

— Зачем мне опять телохранитель, Михаил? — спрашиваю я. Спокойно спрашиваю. Варвара Сергеевна никогда не истерит. И не потому, что воспитание — просто я поняла: моя истерика его забавляет. А деловая холодность — раздражает. Я всегда выбираю раздражение. — Три года без охраны ходила по магазинам, в спа-салоны, на завтраки с подружками. И ничего. Жива.

Он усмехается. Одним уголком губ. Этого достаточно, чтобы я захотела запульнуть в него хрустальной пепельницей с его же стола. Но я сижу не двигаясь.

— Дела стали серьёзнее, Варвара. Суммы — другие. Конкуренты — без принципов. За твою голову могут попросить выкуп. — Он наклоняется вперёд, и я вижу, как напрягаются желваки. — А я не собираюсь тратить деньги на ерунду.

«На ерунду».

То есть на меня.

Два года назад он заплатил за нашу свадьбу три миллиона долларов. Цветы из Голландии, лебеди в пруду, платье от Zuhair Murad. Я была не ерундой. Я была инвестицией. Красивая, пышнотелая блондинка с голубыми глазами и дипломом МГИМО, и очень богатыми родителями — лучшее дополнение к его портфолио.

Теперь — ерунда.

— Поняла, — говорю я. Коротко. Совсем нет желания теперь с ним разговаривать. — И что он за человек?

— Завтра увидишь. — Михаил уже не смотрит на меня.

Берёт со стола айфон. — Надеюсь, ты не будешь от него сбежать, как от Григория.

Я смеюсь. Громко, по-настоящему. Он поднимает взгляд.

— Милый, Григорий засыпал на посту, — говорю я. — Я сбежала от него, потому что он храпел громче, чем твой Ferrari. С новым, если он не будет кряхтеть как дед и засыпать в машине, я, так и быть, постараюсь быть пайнкой.

Он кивает. Уже не слушает. Пальцы скользят по экрану.

И в этот момент я вижу.

Телефон лежит на столе. Экран погас, но не успел заблокироваться после разговора. Последний вызов — имя и возраст, которые он, умный мужик, забыл скрыть.

«Адель, 24 года. Рыжая бестия.»

Три строчки. Смайлик — огонь. И время звонка — тринадцать минут назад, когда я стояла за дверью и слушала, как он говорит ей «ты невыносима».

Рыжая. Ему всегда нравились рыжие. Я видела его бывших на фото — все, как на подбор, с огненными волосами. А потом появилась я, блондинка с оттенком спелой пшеницы. Он сказал тогда: «Ты другая, Варвара».

Глубина. Ха.

Глубина — это когда ты два года не понимаешь, что твой муж трахает молодую бестию, пока ты покупаешь ему рубашки и думаешь: «Может, я недостаточно хороша для него».

Ком под левым ребром разрастается. Становится горя-

чим. Я не плачу. Я — Варвара. Я не плачу с четырнадцати лет, с тех пор как отец развёлся с мамой, и женился на девочке втрое младше него. Моя мама, тогда сказала: «Будь сильной, дочка. Мужчины любят сильных».

Врут. Мужчины любят удобных и покладистых. А сильных — боятся. Они им не по зубам.

— Завтра в десять утра он будет в доме, — говорит Михаил, не поднимая головы. — И, Варвара...

Я уже встаю. Поправляю платье.

— Да, дорогой?

— Ужинать буду поздно. Не жди.

Он даже не говорит «когда» и «с кем». Потому что я не имею права спрашивать. Я должна кивать, улыбаться и радоваться, что у меня есть карточка с неограниченным лимитом.

Выхожу из кабинета. Дверь закрываю без звука, это тоже искусство. Когда внутри бушует буря, а внешне ты должна быть тише провинившегося ребёнка.

Марина провожает меня взглядом. В её глазах — жалость, приправленная злорадством. Она всё знает.

Лифт вниз. Я смотрю на своё отражение в зеркальных дверях.

— Ну что, Варвара? — спрашиваю себя. Голос тихий, но каблук не слышат. — Съешь ещё один эклер? Или купишь ещё пару туфель?

Внутренний голос, циничный как старый таксист, подсказывает: «Купи туфли, а лучше сразу несколько.»

Выхожу на парковку. Сажусь в машину. Кладу руки на руль. Смотрю на свои пальцы — ногти покрыты свежим гель-лаком цвета кофе с молоком, обручальное кольцо сверкает тремя каратами.

Два года назад он надел мне его в ЗАГСе. Его пальцы дрожали. Я тогда подумала: «Он волнуется, значит он меня сильно любит».

Глупая.

Г-л-у-п-а-я. И наивная.

Двигатель оживает с рыком. Я вылетаю с подземной парковки, игнорируя знак «кирпич», ведь у меня есть пропуск, который открывает любые двери.

Кроме двери в сердце моего мужа.

В ЦУМ я приезжаю через двадцать минут, успев нарушить три правила дорожного движения и не заметив ни одного светофора.

Паркуюсь на служебном месте — охранник узнаёт машину, открывает шлагбаум и делает вид, что ничего не видел.

Лифт на третий этаж. Обувь. Я не люблю обувь. Я её просто обожаю. Туфли не предают, в отличие от людей. Туфли не называют тебя «Варвара» ледяным тоном. Туфли не трахают рыжих бестий.

— Покажите всё, что привезли на этой неделе, — говорю продавцу в отделе Manolo. Она узнаёт меня. С довольной

улыбкой кивает. Исчезает в подсобке.

Я сажусь в кресло. Беру с тележки шампанское — мне всегда его наливают, когда я приезжаю. Глоток. Ещё. Пузырьки щекочут горло, и я чувствую, как обида — та самая, которую я запретила себе — поднимается в районе солнечного сплетения.

Я не рыдаю. Не кричу. Не дождётесь, Михаил глебович.

Туфли. Беру все семь пар. Две — из последней коллекции, три — классика, две — безумные шпильки с кристаллами, на которых невозможно ходить. Их я купила просто так, чтобы вечером, когда муж будет у «рыжей бестии, 24 года», смотреть на них и думать: «Хотя бы эти малышки не скажут мне, что у меня большой живот».

Продавщица упаковывает коробки. Я протягиваю карточку. Бесконтакт. Оплачено. Михаил Глебович Ветров получит смс-уведомление и не поморщится — триста тысяч за пару туфель для него копейки.

Но он поморщится, а я этого так никогда не узнаю.

Дальше — отдел белья. La Perla. Я выбираю чёрный комплект — кружево, стринги, бюстгальтер с эффектом пуш-ап. Для кого? Для себя. Чтобы смотрелась и думала: «Какая я сексуальная, чёрт возьми».

Платья. Вечерние. Продавец говорит, что это лимитированная коллекция. Мне плевать. Лимитированные вещи так же редки, как верность в бизнесе Ветрова.

Сумки. Hermès Birkin — оранжевая, как крик о помощи.

Её я беру специально. Буду носить и думать о рыжей бестии. Или не буду думать. Решу по дороге.

Когда я выхожу из ЦУМа, сзади идёт носильщик с десятью пакетами. Охранники у дверей смотрят на меня с уважением. Они не знают, что сейчас смотрят на женщину, которая залечивает обиду деньгами, потому что шоппинг — единственное лекарство, которое работает, когда муж трахает других.

Сажусь в машину. Кладу пакеты на заднее сиденье. Смотрю на телефон.

Звонок подруге Ленке. Она единственная, кто меня хоть как то понимает.

— Привет, — говорит она сонно. Она постоянно спит, либо только проснулась, либо только заснула. — Ты чего?

— Михаил нанял мне нового телохранителя, — говорю я. Голос ровный. — Старый ушёл.

— И всё? Ты ведь не поэтому звонишь.

Пауза. Я смотрю на серое московское небо через лобовое стекло.

— У него есть любовница, — говорю я.

Ленка молчит. Потом выдыхает, она прикурила сигарету.

— Ты сейчас это узнала?

— Да, мельком увидела в телефоне. «Адель, двадцать четыре года».

— Не приятно. — Ленка свистит. — И что ты будешь делать?

— Только, что купила туфель на миллион.

— Это конечно правильно, туфель много не бывает, — она хмыкает. — Только Варь, туфли тебя не обнимут ночью.

Вешаю трубку, без прощания. Ленка не обидится, она привыкла. Завожу машину. Еду домой — в особняк в Серебряном Бору, где меня ждёт пустая огромная спальня, где с одной стороны кровать продавлена, а с другой — идеально ровная простыня.

Я думаю о завтрашнем дне. Новый телохранитель. Молодой, сказал Михаил. Профессионал. Интересно, он будет пялиться на мои бока?

Я ненавижу слово «бока».

Заезжаю в ворота. Гараж открывается автоматически. Ставлю машину рядом с его Bentley и Ferrari.

Поднимаюсь в спальню. Раздеваюсь перед зеркалом. Смотрю на себя — пышная грудь, мягкий живот, широкие, но гладкие бёдра. Я красивая. Я знаю, что красивая. Но почему он этого не видит?

Почему он ищет что-то в других?

Ложусь в кровать, без ужина. Его сторона пуста. Часы показывают девять вечера. Он приедет далеко за полночь, пахнувший чужими духами.

Я закрываю глаза.

Завтра я встречу человека, который будет следить за каждым моим шагом.

— Сладких снов, Варвара, — шепчу я в пустоту.

Даже сама себе я не сказала «Варечка».

Ком под левым ребром всё ещё там. Он всё никак не рассосётся, даже от потраченного миллиона.

Но утро вечера мудренее. Возможно, новый телохранитель окажется настолько скучным, что я просто перестану его замечать.

Хотя с моим везением... он наверняка окажется копией Григория. Седой, с запахом чеснока и вечными рассказами о том, как он в молодости охранял Пугачёву.

Я выключаю свет.

В темноте слышно только моё дыхание. Ровное. Спокойное.

Такое же, как у человека, который получил дозу наркоза перед сложной операцией.

Глава 2. Терминатор в моей гостиной

Просыпаюсь от абсолютной тишины.

Эта тишина — неправильная. Сегодня тишина — как вата в ушах после взрыва. Потому что взрыв был. Просто я его проспала.

Поворачиваю голову. Часы на прикроватной тумбочке, показывают половину девятого, я люблю поспать подольше.

Простыня слева — нетронутая. Подушка — как её положила вчера горничная, с двумя взбитыми валиками. Ни вмятины. Ни тепла, от его тела.

Михаил не приехал.

Ни в час ночи. Ни в три. Ни под утро.

Выдыхаю. Медленно, считаю до десяти, как учил меня мой дорогой психолог. Я стабильно хожу к нему два раза в месяц.

— Ну что ж, — шепчу себе под нос. Голос сухой, как прошлогодний лист. — Варвара, привыкай засыпать и просыпаться одна.

Я помню, как в детстве мама ждала отца. Сидела у окна в халате, с сигаретой, смотрела, как зажигаются фонари. Он приходил под утро, пахнувший чужими духами и свободой. А она молчала. Потому что быть сильной — это молчать, когда хочется выть.

Я не буду выть. И ждать у окна подавно. Я собираюсь жить свою лучшую жизнь.

Встаю. Иду в ванную. В зеркале — женщина с опухшими веками и следами от подушки на щеке. Смываю остатки вчерашней туши. Смотрю в глаза — голубые, как вода в бассейне, где я не была уже месяц.

— Ты красивая, — говорю себе. Пальцы касаются мягкого живота. — Муж просто слепой.

Но слепые не замечают изъянов. А он замечает каждый лишний сантиметр, каждую складочку. Значит, он видит. Просто не хочет замечать.

Душ. Вода горячая, почти обжигающая. Стою под струёй,

пока кожа не становится розовой. Мыслей совсем нет. Только пар и аромат геля для тела.

Не торопясь одеваюсь. Лёгкий брючный костюм — бежевый, льняной, брюки свободного кроя, жакет на одной пуговице. Под ним — белый топ без рукавов. Волосы не собираю. Пусть падают на плечи — тяжёлые, чуть выющиеся на концах, причёска как в студенческие времена.

Спускаюсь на первый этаж.

Особняк в Серебряном Бору — это не дом, это выставка достижений народного хозяйства по разделу «личное богатство». Лестница из белого мрамора с коваными перилами — парижское литьё, мы его ждали полгода. Хрустальная люстра весом под центнер — венецианское стекло, каждый плафон — ручная работа. На стенах — картины, которые я выбирала сама, когда ещё верила, что делаю уют в семейном гнездышке.

Сейчас они просто висят. Дорого. Бездушно.

Внизу — суэта. Все разговаривают полушёпотом.

Повариха Лидия Петровна — круглая женщина с руками, умеющими всё, от бефстроганов до безе — мелькнула в дверях кухни и тут же исчезла, как мышь. Домработница Зоя с салфеткой прижалась к стене, делая вид, что протирает плинтус, который и так блестит. Дворецкий Николай — старый военный, вышколенный до дрожи в коленках — замер у шкафа с серебром, даже не кашлянул.

Все на цыпочках. Все знают.

Конечно, знают. Когда хозяин не ночевал впервые за два года... для них это событие, как крушение Титаника в прямом эфире.

— Доброе утро, — говорю я сразу всем. Громко и чётко. Чтобы им было слышно. Чтобы поняли: я не сломлена. Я боец.

Николай вылетает из ниоткуда:

— Доброе утро, Варвара Сергеевна. Завтрак готов. Прикажете подавать в малой столовой?

— Подавайте.

Прохожу в малую столовую — комнату с окнами в сад, где мы с Михаилом завтракали по субботам. Потом он стал завтракать в кабинете.

На столе — овсянка с ягодами, свежавыжатый апельсиновый сок, тонкий омлет с сыром, круассаны. Лидия Петровна постаралась. Как будто вкусным завтраком можно заменить отсутствие мужа.

Сажусь. Беру вилку. Ем.

Еда не чувствуется. Жую механически. Смотрю в окно на сад — гортензии, розы, подстриженные кусты. Всё цветёт. Всё живёт своей жизнью. Только я застряла между съеденным круассаном и телефоном, который молчит.

Он не позвонил. Не написал: «Извини, задержался». Потому что Михаил Глебович Ветров не извиняется. Он просто ставит меня в известность.

А сегодня он не счёл нужным даже ставить.

Доедаю омлет. Запиваю соком. Вкуса нет. Только горечь на корне языка — та, которую не смыть ни апельсинами, ни круассанами.

Николай появляется снова. Кашляет в кулак.

— Варвара Сергеевна, ваш новый... э-э-э... сотрудник уже прибыл. Ожидает в гостиной.

Телохранитель.

Я и забыла. Среди пустой постели, безвкусного завтрака и шёпота прислуги этот человек вылетел из головы.

— Хорошо. Скажите, я сейчас.

Промокаю губы салфеткой. Встаю. Поправляю жакет — не мнётся, льняной богемный хаос, я люблю его за это.

Гостиная.

Две комнаты на втором этаже, соединённые аркой. Итальянская мебель — мягкая, тёмно-синяя, с золотым кантом. Рояль «Steinway», на котором никто не играет. Камин, который топится раз в год, когда мы ждём гостей из Лондона, чтобы они почувствовали себя в Англии.

И он.

Стоит у окна. Спиной ко мне.

Я вижу плечи. Широкие — пиджак (тёмно-серый, отличный крой, явно дорогой, но не кричащий) сидит как влитой, под ним угадываются мышцы, которые не накачаны в тренажёрном зале для галочки.

Выше Михаила. На голову, на полторы. В небольших дверях ему пришлось бы пригибаться, но он стоит ровно, как

пштык. Позвоночник — струна. Военная выправка, но без дешёвого лоска: не выпячивает грудь, не сводит лопатки. Просто стоит. Смотрит в окно.

Волосы аккуратно уложены — тёмные, почти чёрные, но на свету наверняка отливают. Не знаю, какого цвета глаза. Зато чувствую запах — даже отсюда, с порога. Мята. Свежий лосьон после бритья. Чистота, которая не пахнет химией. Пахнет мужчиной, который знает, что такое душ в пять утра.

Он не обернулся.

Прошёл уже почти минуту, как я стою в дверях. Слышал, как я спускалась по лестнице — каблуки выдают меня за десять метров. Слышал, как остановилась.

Но он даёт мне время. На осмотр. На оценку. На то, чтобы я почувствовала себя в безопасности — мол, я внимательный, я ничего не пропускаю, ты можешь меня не бояться.

Или на то, чтобы я поняла: он не собачка, которая бросается знакомиться. Он профессионал. А его профессия — ждать.

Ладно. Продолжаем.

— Доброе утро, — говорю я. Голос — светский, с лёгкой ноткой снисхождения, как будто я приветствую нового водителя. — Вы, должно быть, мой телохранитель?

Он поворачивается.

И я отшатываюсь.

Делаю маленький шаг назад — инстинктивно, потому что

тело реагирует быстрее мозга.

Он нереальный.

Это слово глупое, подростковое. Но другое не лезет в голову. Нереальный красавчик — вот как его описать. Скулы острые, как бритва, но без хищной угловатости — больше похоже на античную статую, которую оживили и одели в Brioni. Подбородок с едва заметной ямочкой — чёрт, у него ямочка, как у голливудской звезды девяностых. Губы — чётко очерченные, без улыбки, но не тонкие. Такие губы привыкли молчать.

Но глаза.

Глаза — это атомный взрыв в тихом омуте. Тёмно-синие. Не голубые, не серые с синевой — именно синие, как глубина океана на закате. Редкий цвет. Опасный цвет. Потому что в таких глазах можно утонуть, даже не заметив, как подошёл к краю.

И они смотрят на меня.

Однажды я видела похожие глаза, но тот взгляд принадлежал погибшему человеку. Это, точно был не он.

Он смотрит. Одну секунду. Не дольше. Взгляд скользит по лицу, задерживается на глазах — моих глазах — и уходит в сторону. Как будто я — элемент обстановки, который нужно проверить на безопасность, а не женщина.

Эта секунда — удар дефибрилятором. Не в грудь — в живот. Током прошивает от солнечного сплетения до кон-

чиков пальцев.

Я не знаю, что это. Шок? Испуг? Или просто мой организм, забывший, что такое мужское внимание, реагирует на красивого мужчину?

Он не улыбается. Совсем.

Стоит, как вкопанный. Не протягивает руку. Только чуть-чуть наклоняет голову — сантиметров на пять — в жесте, который может быть и приветствием, и оценкой, и чёрт знает чем.

— Максим, — представляется он, голос низкий. Без хрипотцы. Спокойный, как у диктора новостей, который читает о катастрофе в чужой стране. — С сегодняшнего дня. Я ваш новый телохранитель.

Пауза. Он смотрит куда-то в район моего левого плеча.

— Для меня честь работать на вашу семью. Буду исполнять свои обязанности на отлично.

Всё. Больше ничего.

Ни «приятно познакомиться». Ни «вы прекрасно выглядите». Ни даже вежливой улыбки.

Просто факты. Доложил как сдал рапорт.

Я смотрю на его руки — они висят вдоль тела, но я вижу, какие они. Крупные. С чёткими костяшками. Без колец. Он не женат. Или снял, перед тем как поехать на новую работу. Без часов — странно для мужчины при таком пиджаке. И без татуировок — по крайней мере тех, что видно.

— Максим, — повторяю я. Имя короткое, рубленое. Под-

ходит. — Можете называть меня Варвара Сергеевна. Или просто Варвара. Я не люблю панибратства.

Ложь. Я просто не знаю, что сказать. Потому что он сбил меня с толку. Своей неподвижностью. Своими глазами, которые посмотрели и сразу же отвернулись.

Он кивает. Один раз.

— Хорошо, Варвара Сергеевна.

— Я планирую сегодня поехать к подруге, — говорю я, обретая почву под ногами. — А потом в бассейн. Вы будете водить?

Спрашиваю, хотя знаю ответ. Михаил говорил — он будет водителем.

— Да. — Коротко. Без пояснений.

— Тогда через десять минут. Машина моя, чёрный Mercedes. Ключи можете взять у Николая.

Он снова кивает и отступает на шаг назад — пропуская меня к выходу. Не пытается открыть дверь. Не суетится. Просто даёт мне пространство.

Я прохожу мимо. Пахнет мятой и ещё чем-то — может, дождём? Или просто чистотой?

Не оборачиваюсь. Но чувствую его взгляд на своей спине. Между лопаток — как горячее пятно.

Интересно, он действительно смотрит на меня или мне это только кажется?

Ленка живёт в «Barkli Virgin», на Поварской. Место, где

квадратный метр стоит как моя первая машина, но выглядит так, будто архитекторы вдохновлялись коробками из-под обуви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.